

Уже несколько дней Дуань Цичи был поглощен военными делами и у него не находилось ни минуты, чтобы досаждать Цзи Сюэмяню.

Цзи Сюэмянь не имел никакого отношения к армии регента, и пребывание в военном лагере казалось ему мучительной пыткой. К тому же при нем находился Императорский Тигриный Верет — с такой драгоценностью за пазухой он не мог ни нормально есть, ни спокойно спать.

Чтобы избежать встречи с изголодавшимися по женскому обществу воинами и не допустить разоблачения своей тайны — того, что он является омегой, — Цзи Сюэмянь почти каждый день искал повод выбраться из лагеря.

Как раз сегодня Лань Шэнь отсутствовал, вероятно, отправившись на поиски остатков Императорской гвардии.

Очень кстати. Цзи Сюэмянь взял напрокат лошадь и в одиночку, не спеша, направился в Город Тяньхуа — опорный пункт на Наньцзян.

В последнее время в Городе Тяньхуа царило необычайное спокойствие. После той памятной ночи с жареным барашком разбойники, бесчинствовавшие в Наньцзян, притихли.

Город жил полной жизнью: вдоль дорог тянулись изящные расписные лодки и многоярусные терема, каждые сто метров возвышались павильоны, а воздух, пропитанный ароматом цветущего османтуса, в ночной прохладе казался особенно густым.

Цзи Сюэмянь вырос на Северо-Западе, а служил в Столице, поэтому для него пейзажи Наньцзян были в новинку — яркие и необычные. Одежда прохожих, как и описывалось в книгах, поражала богатством и самобытностью, а серебряные украшения при каждом шаге издавали мелодичный звон.

Вот почему вчера, когда Линь Юань обмолвился, что тот жареный барашек был приготовлен на северо-западный манер, сердце Цзи Сюэмяня невольно дрогнуло.

В Городе Тяньхуа, где смешались самые разные люди, разбойники могли скрываться где угодно. Цзи Сюэмянь, у пояса которого висел серебряный кнут, с опаской поглядывал на толпу.

Внезапно где-то неподалеку возникло странное ощущение чужого присутствия. Он слегка повернул голову. За ним следили.

Сейчас, когда в Наньцзян установилось хрупкое перемирие, а подавление беспорядков в Городе Тяньхуа было в самом разгаре, Цзи Сюэмянь не хотел поднимать шума и устраивать переполох.

Ему даже не пришлось долго думать. За долгие годы, что Цзи Сюэмянь скрывал свою истинную сущность, он усвоил одно: лучшее прикрытие — это поход в публичный дом. В Столице он не раз прибегал к этому методу, хотя, конечно, лишь для вида.

Цзи Сюэмянь остановился у Павильона Теплой Весны, сиявшего ярче всех огней на улице. На балконах второго этажа стояли красавицы в изящных нарядах: они кокетливо обмахивались веерами, по двое-трое обнимались с молодыми господами и скрывались в небольших комнатах.

В Столице за Цзи Сюэмянем закрепилась репутация любителя вина и женщин. Он считался мудрым чиновником, но никак не святошей — и это, кстати, избавляло его от назойливых свах, пытавшихся навязать ему невест. Однако в Столице его постоянная пассия была его спасительницей и знала всю подноготную, а здесь, в Наньцзян... всё было иначе.

По идее, Цзи Сюэмяню следовало хранить секрет пуще зеницы ока и проявлять осторожность, но порой лучшая защита — это наглость. Чем вызывающе он себя вел, тем больше его опасались и тем меньше смели гадать о его истинных намерениях.

Поэтому Цзи Сюэмянь с невозмутимым видом вошел в Павильон Теплой Весны.

Хозяйка заведения заметила его издалека: на нем словно было написано крупными буквами — богатый клиент. Среди этой развратной атмосферы он выглядел как одинокая сосна, строгий и холодный, а его лицо, несмотря на всю отстраненность, излучало удивительную, притягательную красоту. На первый взгляд и не скажешь — типичный лин-гуань из Павильона Теплой Весны. Смени он одежду — и вскружил бы голову еще большему числу людей.

Хозяйка поспешила навстречу. Она прекрасно понимала: перед ней не просто разорившийся ученый, который даже за руку девушку подержать боится, и не наглый купец. Это был человек, с которым лучше не связываться, и к нему следовало проявить особое почтение.

Она окружила его заботой, расплываясь в улыбке:

— Ой, господин, вы у нас впервые? Желаете зажечь фонарь?

Цзи Сюэмянь не знал, что означает этот жаргон, но догадался, что так здесь называют заказ компании девушек. Он ответил небрежно:

— Хорошо.

Помолчав секунду, он достал серебро:

— Найдите уединенную комнату.

Хозяйка тайком взвесила серебро в руке и просияла:

— Будет сделано, дорогой гость!

Цзи Сюэмянь кивнул и, привычным жестом обняв одну из девушек за талию, поднялся на второй этаж. Он подумал: вряд ли тот, кто за ним следит, настолько потерял страх, что рискнет войти следом в бордель.

Однако Цзи Сюэмянь забыл, что Дуань Цичи как раз из тех наглецов, кто не боится ни бога, ни черта.

Заметив, что Цзи Сюэмянь скрылся в Павильоне Теплой Весны, Дуань Цичи, следовавший за ним на почтительном расстоянии, лениво вышел из-за угла. Он слегка покачивал веером, а в его глазах играл озорной огонек.

Одетый в халат из черного шелка, переливающийся в свете фонарей, он стоял посреди оживленной улицы. С высокой прической, украшенной нефритом, и статной фигурой он совсем не походил на военного — скорее на избалованного аристократа, слишком уж он привлекал внимание.

Дуань Цичи сложил веер и издалека слегка улыбнулся хозяйке. Даже выдавшая виды женщина невольно ахнула: ну и хорош же собой! Она подбоченилась, думая про себя, что день сегодня странный: сперва один благородный господин, потом другой, и все как на подбор — в публичный дом заглянули.

Не успела она сказать и пары льстивых слов, как Дуань Цичи бросил ей тяжелый слиток золота.

— Никого ко мне не пускай, — отрезал он.

На этот раз хозяйка даже взвешивать золото не стала, расплывшись в широкой улыбке:

— Ой, господин, прошу, проходите!

Всюду, где проходил Дуань Цичи, слышались смешки девушек:

— Господин, какая у вас статная внешность...

— Господин, вам не одиноко?

Дуань Цичи вежливо, но твердо отказывался от их внимания, убрал веер за пояс и не спеша поднялся на второй этаж. Остановившись перед плотно закрытой дверью, он поднял голову и уставился прямо на нее.

Глава Цзи — человек, по которому Дуань Цичи постоянно тосковал — был сейчас за этой дверью. Вероятно, он там обнимает красавицу и пьет вино, развлекаясь вовсю.

Дуань Цичи опустил длинные ресницы, отбрасывая на щеки мягкую оранжевую тень. Значит, правду говорят в Столице: он и впрямь транжира, гонится за сомнительной славой и пускается

во все тяжкие. Где в этом гуляке хоть капля от образа Главы Секретариата?

У Дуань Цичи не было привычки подслушивать у дверей, поэтому он просто толкнул ее и вошел. В комнате царил полумрак, пахло вином, а атмосфера была на удивление прохладной.

Цзи Сюэмянь остолбенел: он никак не ожидал увидеть следом за собой Дуань Цичи. Мэй-зэ, успевшая наполовину спустить с плеч одежду, замерла в неловкости. Она обернулась и, выдавив из себя улыбку, пробормотала:

— Господин... это ваш друг?

Дуань Цичи небрежно прислонился к дверному косяку, глядя на них с нескрываемой теплотой в глазах:

— Я не его друг, я его старый знакомый.

Цзи Сюэмяня пронзило странное чувство, сердце забилося чаще, и он даже забыл, что только что просил Мэй-зэ поскорее лечь спать. Этот проклятый Дуань Цичи вырос в самом сердце империи, среди высшей знати, а вот следить за людьми научился мастерски.

Он смотрел прямо на него, не мигая, и от этого пристального взгляда Цзи Сюэмянь почувствовал себя крайне неудобно.

— Мэй-зэ, не болтай ерунды, — сказал Цзи Сюэмянь. — Это важный гость, и я не осмелюсь называть его своим другом.

Он отстранился от Мэй-зэ и направился к двери, чтобы закрыть ее, но Дуань Цичи навалился на створку и перехватил запястье Цзи Сюэмяня.

— Не будь так строг, мой юный друг, не пугай красавицу, — с улыбкой произнес он.

Цзи Сюэмянь дернул рукой, освобождаясь от захвата:

— У меня нет привычки принимать гостей при свидетелях, боюсь, это осквернит ваш взор.

Мэй-зэ робко подала голос:

— Господин, вы же просили меня лечь спать? Разве вам не нравится, когда на нас смотрят?

— О? — Дуань Цичи бесстыдно разглядывал его. — Так рано спать?

Цзи Сюэмянь с трудом подавил желание вытолкнуть эту глупую Мэй-зэ за дверь.

— Я утомился.

Дуань Цичи прищурился и тихо рассмеялся:

— Цзи Сылин, почему ты вечно такой сонный?

Цзи Сюэмянь напрягся и, прекрасно понимая намек, спросил:

— Что вы хотите этим сказать?

Дуань Цичи не стал ходить вокруг да около:

— Девушка, которую я тебе подарил — ты ведь к ней даже не притронулся? Неужели ты и ей сказал, что хочешь спать?

Цзи Сюэмянь поджал губы и решил пойти в открытое наступление:

— А знает ли регент, где скрываются остатки Императорской гвардии? Вы рискнете заявить, что это никак не связано с вами?

Их взгляды встретились — в воздухе будто искры полетели. Дуань Цичи моргнул, подался вперед и прошептал:

— Господин Цзи, вы вините меня?

Цзи Сюэмянь нахмурился и отступил на шаг:

— Не смею.

Дуань Цичи, похоже, за столько лет так и не оставил привычки поддразнивать его. Он довольно рассмеялся:

— Раз уж я пришел, ты не можешь просто выставить меня за дверь, верно?

Он напоминал хитрого лиса, чей невидимый хвост радостно вилял из стороны в сторону. Цзи Сюэмянь подумал: «Этот негодник по фамилии Дуань — отъявленный мерзавец».

Дуань Цичи ухватился за рукав Цзи Сюэмяня, решительно усадил его на скамью посередине комнаты, а затем жестом пригласил Мэй-зэ сесть рядом. В прекрасном настроении он поправил полы халата, сел сам и наполнил три чаши.

— Ну же, выпьем вдвоем!

Перед Цзи Сюэмянем поставили чашу, до краев наполненную крепким вином. От резкого запаха у него даже защипало глаза, и он невольно закашлялся.

Дуань Цичи приподнял бровь и с насмешкой произнес:

— Я слышал, мой юный друг, что ты знаменит тем, что можешь выпить тысячу чаш и не опьянеть. Раньше нам не доводилось выпивать вместе, так что сегодня я хочу убедиться в этом лично.

Видя, как Дуань Цичи смотрит на него — мол, либо пей, либо я залью в тебя насильно — Цзи Сюэмянь понял: сегодня ему не поздоровится.

<http://bllate.org/book/21919/2277345>